

МАТЕРИАЛЫ

Светлана Березкина

СТИХИ С. П. ШЕВЫРЕВА ДЛЯ ДЕТЕЙ (1857–1858)

Статья посвящена анализу стихотворений С. П. Шевырева для детей, написанных в 1857–1858 гг. В эти годы резко усложнилось положение поэта, имя которого исчезло со страниц литературных изданий. Причиной этого стало столкновение С. П. Шевырева с гр. В. А. Бобринским, кузеном Александра II, переросшее в драку. Единственным местом, где регулярно появлялись в 1857–1858 гг. его стихи, были издававшиеся А. О. Ишимовой для воспитанниц благородных пансионов журналы «Звездочка» и «Лучи, журнал для девиц». В статье рассматриваются два тематических направления в стихах С. П. Шевырева для детей. Стихи религиозного содержания писались им в расчете на основные знания Закона Божьего у этого детского круга, что позволило автору не упрощать свои сюжеты. Другое направление было связано с трудовой жизнью русского крестьянства, изображавшейся с исключительной любовью. Глубокая набожность русского крестьянина была той чертой, которая была неразрывно слита с его трудами в стихах С. П. Шевырева. В статью вошло неопубликованное ранее стихотворение поэта о судьбе нищего мальчика-сироты.

Ключевые слова: Биография и творчество С. П. Шевырева, журналы А. О. Ишимовой, религиозная проблематика в стихах для воспитанниц благородных пансионов, стихи для детей о русском крестьянине и его трудовой жизни.

Светлана Вениаминовна Березкина
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург
s.berezkina@mail.ru

Стихи для детей Степана Петровича Шевырева (1806–1864), филолога, литературного критика, поэта и переводчика, никогда не становились предметом научного исследования. В 1857–1858 гг. им было создано полтора десятка детских стихотворений, из которых одиннадцать было напечатано в журналах для детей — два в «Звездочке» (журнале для младшего детского возраста) и девять в «Лучах» («для девиц»). Впоследствии появились публикации по архиву поэта еще трех стихотворений¹, которые, как мы полагаем, были также адресованы детям; еще один найденный текст мы хотели бы предложить в настоящей статье.

Итак, всего из-под пера Шевырева вышло пятнадцать детских стихотворений, объединенных художественно и тематически и позволяющих говорить о целостности его концепции творчества для детей. Печатали их Шевырев под псевдонимом «С. Иваньковский», поскольку публиковаться под своей фамилией в это время он не мог — ни в передовых литературных журналах, ни в консервативных, ему родственных и по духу, и по работам предшествующих лет. В одном лагере он был ненавидим за свою проправительственную позицию, выражавшуюся им до 1857 г. во всех творческих и жизненных сферах, в другом — внушал страх за свою внезапную опалу. Детские стихи стали для Шевырева единственной отдушиной, в которой он находил применение своим творческим силам.

14 января 1857 г. Шевырев пережил событие, перечеркнувшее его прошлое как заслуженного профессора Московского университета и видного, близкого славянофилам, литератора. В кулуарах заседания совета Московского художественного общества произошло столкновение Шевырева с гр. В. А. Бобринским (1804–1874), внуком Екатерины II и, соответственно, кузеном ее правнука Александра II. Петербургские и московские сообщения об этом происшествии разнятся, но более правдивыми, по-видимому, были те, которые шли из Москвы. Толкования, рождавшиеся в Петербурге, сходились на том, что это было столкновение славянофила с западником, в центре которого оказались суждения о речи английского парламентария Роберта Пиля-младшего с выпадами против России и негативным отзывом о коронации Александра II, на которой он присутствовал [Сборник ПД 1922, 178–179, 179–180; Труды Публ. 6-ки 1934, 65; Лит. наследство 1964, 212, 214–215; Толстой 1949, 153]. И. С. Тургенев, получивший в Париже несколько писем о Шевыреве, изложил в письме к А. И. Герцену от 21 февраля (5 марта) 1857 г. версию, в которой присутствовало словечко «выблядок», якобы отнесенное профессором к порождению бабуш-

ки Бобринского, а графом, в свою очередь, — к жене профессора² (в известных ныне письмах к Тургеневу это словечко отсутствует: [Тургенев 1987, 195–196]).

Если следовать изложению Н. П. Барсукова, основанному на рассказе очевидца, Бобринский, пришедший на заседание после какого-то обеда подшофе, задел Шевырева резкими высказываниями о «русских порядках и неустройствах», назвав грабеж «нашим родным делом», а «драные спины» помещичьих крестьян — единственным, чем Россия может «похвалиться перед Европой» на очередной всемирной выставке. Шевырева, стоявшего за «русское имя», Бобринский назвал «защитником всякой мерзости и подлости». Шевырев отвечал ему, «весьма не стесняясь в выражениях», и перепалка огласилась словами «бранными и неприличными», сыпавшимися с обеих сторон. Бобринский вызвал Шевырева на дуэль, а затем, получив отказ, встал в боксерскую стойку. Огромный ростом и силой, он избил тщедушного, маленького профессора так, что его вынесли в карету «на простынях» [Барсуков 1901, 321–322].

Шевырев не сразу осознал катастрофичность того, что произошло в его жизни. Он надеялся найти поддержку у сильных мира сего, однако надежды оказались тщетными. 1 января 1860 г. Шевырев писал сыну Борису о том времени: «Я был оставлен всеми — и никто не вступился за меня во время моего несчастья. Один Олсуфьев покойник решился подать мое письмо государю. Но этой честной души уже нет: его взял Бог» [Письма к сыну, л. 165]. Речь идет об обер-гофмейстере гр. В. Д. Олсуфьеве, который выхлопотал для Шевырева милостивое письмо от императора, сгладившее происшествие, благодаря чему он избежал высылки из Москвы и увольнения со службы, получив разрешение подать прошение об отставке [Петров 2008, 209–210].

Неотвратимость надвигавшейся общественной изоляции обнаруживалась постепенно. Семья Шевырева жила на его жалованье и небольшой доход от имения. Нехватка средств побуждала Шевырева искать место новой службы в Лазаревском институте восточных языков, Московском коммерческом училище, но все его попытки заканчивались провалом. Шевырев подробно сообщал об этом своему сыну Борису в письмах — см., например, в письме от 27 сентября 1858 г., где речь идет о невозможности для него какой бы то ни было лекторской деятельности: «Привесили мне замок на уста — и я обречен на безмолвие» [Письма к сыну, л. 50]. Шевырев объяснял это отношением к себе как к уволенному со службы чиновнику, хо-

тя действительный его статус был для Российской империи вполне благополучным — чиновник в отставке: для российского дворянина «увольнение со службы» по императорскому указу было подобно «желтому билету», свидетельствовавшему о высшей степени жизненного неблагополучия. В конце 1850-х гг. под своей фамилией Шевырев печатал только отдельные издания («История русской словесности, преимущественно древней», ч. 3–4, 1858–1860; перевод «Валленштейнова лагеря» Ф. Шиллера, 1859); единичными были публикации Шевырева в «Журнале Министерства народного просвещения» и «Известиях императорской Академии наук» (публикацию в этом журнале своих стихов на коронационный манифест Александра II Шевырев считал для себя исключительной удачей). Выпуск «Истории русской словесности...», закончившейся на рубеже XV–XVI вв., и перевода «Валленштейнова лагеря», не пропущенного цензурой еще в пушкинское время, вызвал глумливые отзывы рецензентов. Передовая журналистика торжествовала победу над поверженным врагом, известным своими активными выступлениями в поддержку правительственного курса³.

Весной 1857 г. Шевырев написал три стихотворения, вызванных его столкновением с Бобринским, в которых говорил о понесенных им страданиях за «русское имя»⁴. В начале лета 1857 г., несколько оправившись от морального и физического потрясения, Шевырев с семьей уезжает в подмосковное имение Шекино, где возобновляет работу над «Историей русской словесности...». К этому же времени относится и начало работы Шевырева-поэта над стихами для детей. В них он опробовал те представления о воспитательном воздействии на детей, которые ранее изложил в своих работах «Об отношении семейного воспитания к государственному» (1842) и «Вступление в педагогию» (1852). В стихах Шевырева для детей сказались и новые идейно-тематические веяния, которые несла с собой эпоха Великих реформ.

У Шевырева были давние хорошие отношения с детской писательницей А. О. Ишимовой, завязавшиеся еще в 1840-х гг., когда он рецензировал ее издания в журнале «Москвитянин». В 1848 г. в «Москвитянине» был напечатан цикл сонетов Шевырева «Часовня Иверской богородицы», которые он хотел перепечатать в издававшемся Ишимовой журнале «Звездочка», однако эта публикация почему-то не состоялась (см. ее сочувственный отзыв о сонетах Шевырева в письме к нему от 29 января 1849 г. [Письма Ишимовой, л. 4]). В 1857–1858 г. Шевырев написал цикл детских стихотворений для журналов Ишимовой «Лучи» и «Звездочка», издававшихся

для воспитанниц женских благородных пансионов [об этих изданиях см.: Безносов 1992; Белозерская 2016; Стыкалина 2002]. Создавая стихи, Шевырев ориентировался на восприятие своей тринадцатилетней дочери Екатерины, переписывавшей их в свой альбом, поэтому, по-видимому, из написанного им почти всё, за исключением двух текстов, попало в журнал «для девиц» «Лучи». В письме от 12 сентября 1857 г. Ишимова поблагодарила Шевырева за присылку стихотворений, написанных летом 1857 г. [Письма Ишимовой, л. 10; Файнштейн 1989, 54].

В своих педагогических сочинениях Шевырев, с 1851 г. профессор кафедры педагогики Московского университета, ставил во главу угла духовное воспитание: «Цель воспитания должна истекать из назначения человека, а как назначение человека определяется для нас христианством, то отсюда ясно, как самый первый вопрос в педагогии связывает науку с христианским вероучением» [Шевырев 1852, 13]; эта сторона педагогических воззрений Шевырева подробно рассмотрена в работах И. Б. Гаврилова [см., например: Гаврилов 2017]. Шевырев, конечно, не мог оставить детские журналы без вероучительной дидактики, посвятив ей стихотворения «Слава творения», «Рождество Христово», «Свет разума сияет миру...». Со стороны тематики эти стихи не представляли новацию в творчестве поэта. С 1840-х гг. он подвизался в этой области, какие-то стихи печатая на страницах «Москвитянина», но большей частью оставляя их в своем архиве⁵. Установка на детскую аудиторию повлияла на стилистику тех стихотворений Шевырева, где речь шла об учении христианской церкви. Шевырев с радостью отдается «божественным» темам, стремясь лишь немного упростить их стихотворное изложение для детского восприятия. С самого начала своего творческого пути, еще в стенах московского Университетского благородного пансиона, поэт обнаруживал склонность к поэтике русской оды с ее сложными образными построениями, церковнославянизмами и устаревшими языковыми оборотами. Эти особенности творческого почерка Шевырева узнаются и в его детских стихах, поскольку он обращал их к детям просвещенным, то есть знающим начатки церковного учения. Например, в «Славе творения», развивающей цитату из Первого послания к коринфянам апостола Павла о «славе солнца», и «славе луны», и «славе звезд» (она приведена в эпиграфе, но с опечатками, очень характерными для журналов Ишимовой):

Кто всемогущую державу
Простер по дивным небесам,

Дал всякому творенью славу,
Луне, и солнцу, и звездам.
День — слава солнца, тварям счастье,
Тепло и жизнь, лазурь небес,
И красок чудное согласие,
И сельный^б цвет, и плод древес.
В ночи свет месяца — отрада
Больной душе, трудам покой,
Ночному путнику лампада
И году соразмерный строй.
Все звезды — слава ризе ночи:
Сквозь мрак ее глядят оне,
Как бы всевидящие очи,
И славят Бога в вышине.

В стихотворении «Рождество Христово» Шевырев испытывает знания детей уже младшего возраста, напоминая им об усвоенных начатках церковного учения: Рождество Христово есть начало новой эры в истории человечества, Вифлеем возрождает потерянный Эдем, Младенец есть воплощение Бога-Творца. Ангелов и пастухов Шевырев описывает в конце стихотворения, но не называет, побуждая детей к припоминанию новозаветного рассказа о рождении Христа:

Певцы небес — незримый клир —
Отверзту горнему чертогу,
Вещая человекам мир,
Запели: слава в вышних Богу!
Последние в сынах земли
Ту песню в полночь услышали,
В пещеру первые пришли
И Бога первые познали!

В автографе это стихотворение имело окончание, не появившееся в детском журнале (десять строк после приведенных выше):

Нечистых мыслей темный полк
На душу страшно ополчился;
Но Божий глас во мне не смолк:
Я ночью встал — и помолился.
Ожив душой, я ощутил
В себе прилив духовных сил.
Теперь, как звезды, восставайте,
О мысли светлые, во мне

И службу Богу совершайте
В священной сердца тишине!

[Стихотворения ОР РНБ, л. 11 об.]⁷

Судя по стилистике, и этот финал стихотворения писался в расчете на детское восприятие, но был отвергнут, вероятнее всего, самим автором (полагаем, не издательницей журнала!), поскольку имел налет какой-то горделивой нескромности.

В целом, стихи Шевырева, в которых речь шла о церковном учении, были выдержаны на уровне основательных знаний Закона Божьего воспитанницами благородных пансионов⁸.

Интересных результатов Шевырев достиг в другой стилистико-тематической области творчества для детей: это были стихи в фольклорном духе или же с привлечением фольклорных элементов на сюжеты из жизни русского народа. Причем и там, где речь не шла о крестьянском быте, народнопоэтические элементы в передаче лирического переживания настолько сближали с фольклорными истоками сюжет, что создавалось впечатление единства общенародной жизни, и это, по-видимому, был именно тот замысел, которому следовал Шевырев как создатель этого своеобразного стихотворного цикла, ранее в своих педагогических работах высказывавшийся за «раскрытие» в детях «слитного человеческого и русского начала» [Шевырев 1842, 4].

12 марта 1859 г. Шевырев говорил в речи на собрании Комитета всенародного распространения грамотности на религиозно-нравственном основании (при императорском Московском обществе сельского хозяйства): «Хотя я провел первые годы моей юности в деревне, окруженный трудами земледелия; но, по призванию души, по врожденной наклонности, был в жизни сеятелем слова. Теперь я снова возвратился к сельской жизни... что особенно побудило меня к этому возвращению — воспитание детей моих. Я не думаю, чтобы русской человек, воспитанный совершенно вне села и деревни, не получивший на деле понятия о том, какими трудами удовлетворяется первая насущная потребность человека, мог когда-нибудь совершенно узнать свой народ и отечество — и быть полезным для них гражданином. Не думаю также, чтобы человек, никогда не смотревший с почтением на потовой труд земледельца... мог когда-нибудь вполне сознавать чувство собственного долга к отечеству и ко всем своим ближним» [ЖМНП 1859, 135]. В речи Шевырева отразились настроения русского общества, взбудо-

раженного близящимся эпохальным событием — освобождением крепостных крестьян. Это коснулось и его воззрений на русскую педагогику. В исследованиях о педагогической системе Шевырева нет указаний на то, что в николаевскую эпоху она носила четко выраженные сословные черты. А между тем, говоря о должном семейном воспитании, он подчеркивал: «...помещаем идеал свой в любом свободном сословии, но только в лучшем его избранном кругу, отмеченном яркою чертою полного образования» [Шевырев 1842, 47]. Народолюбие русской литературы, в николаевское время оценивавшееся Шевыревым весьма критично как «филантропическое», чуждое художественности направление [Достоевский 2013, 666], стало источником расширения образно-тематического диапазона его творчества. В 1858 г. в журнале «для девиц» им было напечатано четыре стихотворения под заглавиями «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима». Они были посвящены сезонным трудовым занятиям русских крестьян, с любовью и уважением показанным Шевыревым. Источником возвышенных характеристик крестьянина (в стихах он «селянин») является набожность, слитая с его трудами и всей жизнью. Например, в стихотворении «Весна»:

Снег растаял, пашня вскрылась;
Селянин опять в трудах,
И соха его явилась
Вновь на талых бороздах.
Солнце ль греет, ветер ли дует,
Он равно неутомим,
Пашет, сеет, боронует,
Предан Богу и святым.
Предан думам и заботам,
Верен тягостным трудам,
Землю он вседневным потом
Орошает, как Адам.
Словно праздничной одеждой
Вся покрылася земля,
Жатвы будущей надеждой
Земледельца веселя.

Богато картинами крестьянских трудов стихотворение «Лето». Вот перед нами сенокос:

То собирает сенокосы
На зеленых берегах:
По заре блеснули косы

На пестреющих лугах.
Идут ровными рядами
Вдоль по лугу косари:
Сено ровными валами
Полегло в лучах зари.

Или жатва в том же «Лете»:

Вот с утра на нивах зрелых
Блещут яркие серпы;
Жниц ряды в одеждах белых
Убирают хлеб в снопы.
Пот с их лиц катится градом,
Скирд восходит за скирдом...

А вот конец летней крестьянской страде:

Совершился год тяжелый:
Бог его благословил.
Селянин в семье веселой
Уж трапéзу снарядил;
Новый хлеб на стол выносит,
Крестно знаменье творит:
Мало он у Бога просит,
Много он благодарит.

В 1842 г. именно о таком семейном устройстве Шевырев вопрошал в своих размышлениях о педагогике: «Но что говорить об этом простом мире, где видим еще яркие, живые развалины прежней Руси?» [Шевырев 1842, 41]. Передовые тенденции развития русской литературы высвободили этот потенциал в воссоздании «образцов древних времен патриархальных» [Там же], которые Шевырев преподносит воспитанницам благородных пансионеров в детском журнале.

«Осень» Шевырева — это воплощенный покой закончившего страду крестьянина, и начинается она с пейзажа, переданного в самых простых выражениях:

Солнышко не так уж греет,
Скрылось в воздухе тепло;
Небо тучками сереет,
Редко кажется светло.

Обозревая этот скромный пейзаж и, прежде всего, озимые всходы на полях, крестьянин в стихотворении Шевырева не оставляет мысли о своих трудах, которые составляют суть его жизни:

Он в уме своем слагает
Хлеб в высокие скирды;
Небеса он умоляет
Довершить его труды.

И наконец, «Зима», посвященная изображению незначительных происшествий на заснеженном крестьянском дворе: «дорожка, вновь пробитая», у крыльца «санки резвые», под навесом «утки скучные», выбежавший мальчик «в рубашонке»... Кульминация стихотворения — отъезд крестьянина в город:

Селянин, с лицом печальным,
Покидает кров родной;
В города, с извозом дальным,
Он повез избыток свой.

«Избыток» ли везет в город печальный крестьянин? Не хлеб ли насущный и нужный его семье? Далее идет описание «настланных» зимних дорог, по которым идут в города «с припасами обозы», и благодарение зиме за то:

...Что досыта накормила
И убогих всех людей.

«Убогие» здесь — это, по-видимому, крестьяне, удовольствовавшиеся деньгами за продажу своих «избытков», причем это слово не содержит негативной оценки: любимой книгой русского крестьянина была псалтырь, в которой убогим себя именовал и царь Давид. Однако, в целом, окончание «Времен года» в исполнении Шевырева выглядит скомканным, поскольку он, по-видимому, не решился воплотить в «Зиме» более отчетливо ясную для него мысль об «избытках» опечаленного крестьянина.

Поскольку подбор сочинений в журналы Ишимовой был опосредован сословным критерием, можно предположить, что Шевырев ощущал его как некое сдерживающее начало в своей творческой работе. Непонятным образом из публикации «Лета» исчезли два стиха в четвертом восьмистишии, что могло быть как техническим упущением (а таковых в «Звездочке» и «Лучах» было немало), так и редакторской купюрой (поскольку рукопись стихотворения не сохранилась, пропуск можно считать невосполнимым). Не попали в печать и еще два стихотворения Шевырева о жизни просто-народья, которые, как мы полагаем, создавались для журналов Ишимовой. Во-первых, это стихи, представляющие картину уборки льна крестьянками:

Над рекою Волгой,
Голубой, струистой,
Лен мы брали долгой,
Долгой, волокнистой,
И рукою бойкой,
Навязав ручьями,⁹
Сточку за стойкой¹⁰
Ставили рядами.
Вот пришло время,
На токах широких
Выбивали семя
Из ручнѣй высоких.

[Ратников 2008, 296]

Во-вторых, стихотворение «Сиротинушка», написанное им 24 августа 1857 г. и обнаруженное нами среди рукописей поэта:

Ах, кручинка моя ты кручинушка!
Сиротинка я, сиротинушка!
Головенка моя вся нечѣсаная,
А кому ж причесать сиротинушку?
Рубашонка моя вся изорванная,
А кому же одеть сиротинушку?
Черно личико неумытое,
А кому же умыть сиротинушку?
Ножки голенькие, необутые,
А кому же обуть сиротинушку?
Кустик, дай постель ты мне мшаную¹¹,
Хоть не гретую, не крещеную¹².
Убаюкай меня, соловеюшко,
Как баюкала моя матушка.
Разбуди ты меня, жавороночек,
Как будила родима касатушка.
Умывайте меня, росы утренни,
Как сама умывала родимая,
Причешите меня, ветры буйные,
Как чесала мне кудри любимая.
Но уж кто ж на меня налюбуется?
Кто поутру со мной поцелуется?
Ах, кручинка моя ты кручинушка!
Сиротинка я, сиротинушка!

[Стихотворения РГАЛИ, л. 3–3 об.]¹³

Название «Сиротинушка» фигурирует в перечне стихотворений для детей, составленном Шевыревым в конце 1857 г. [Стихотворения ОР РНБ, л. 102]. Стихотворение преизбыточествует душе-раздирающими подробностями жизни «сиротинушки»: нечесаная голова и изорванная рубашка, неумытое лицо и босые ноги, ночлег под кустом и соловьиная песня вместо колыбельной... Монолог бездомного бродяжки — это плач об умершей матушке, которую он именует и «касатушкой», и «родимой», и «любимой». Стихотворение адресуется детям и призывает к их памяти о родной матери: как она их причесывает, умывает, баюкает, целует по утру... Именно это воспоминание должно пробудить в маленьком читателе острую жалость к ребенку, лишенному материнской заботы.

Шевырев был одним из самых тонких знатоков фольклора, причем как русского, в разнообразных жанрово-исторических аспектах, так и общеславянского. На протяжении всей своей научно-творческой жизни он был причастен и к собирательству¹⁴, и к рецензированию выходивших работ и книг, и к научному исследованию проблем русского народного творчества в связи с изучением литературы Древней Руси. Фольклоризм как стилистическая основа стихов Шевырева для детей был задан не только багажом его научных знаний, но и любовью к этой стороне жизни русского народа.

Разнообразные народнопоэтические элементы Шевырев соединял со своими лирическими размышлениями. Первым по времени стихотворением для детей, появившимся в рукописях Шевырева в начале июня 1857 г., была «Земляничка», напечатанная им, однако, только через год:

Земляничка, красная ягодка!
Ты затем ли на поле выросла,
И росинками умывалася,
Лучом солнечным нарумянилась,
Чтоб тебя мы, ягодка, скушали,
Красоту твою жадно рушали?

Первые два стиха представляли парафраз начала русской плясовой песни на шуточный семейный сюжет: «Земляничка ягодка на полянке выросла, / На полянке выросла, под кусточком вызрела...» [Собрание 1790, 105 (№ 71)]. Песня известна и в другом варианте, где «земляничкой» именуется красавица-невеста. В своем стихотворении Шевырев развивает тему в несвойственном народной песне элегическом ключе. В журнальной публикации к тексту

«Землянички» был присоединен другой текст, который в рукописи Шевырева был записан на том же листе, но отдельно [Стихотворения ОР РНБ, л. 103]¹⁵. Возможно, при публикации был потерян знак разбивки двух текстов:

А всё Бог-то о детях заботится,
Всё Господь-то любовью лелеет нас:
Летом землю усеял Он ягодой,
Вкусной, лакомой и пригожею,
Умывал ее росой утренней
И румянил ее лучом солнечным,
Чтоб вдвойне мы ей наслаждались
И, вкушая ее, любовались!

В автографе Шевырева второй стих заканчивался иной формой местоимения: «Всё Господь-то любовью лелеет их», что указывает на изменение субъекта высказывания: вместо наставника лирическим героем становится ребенок, которому введома любовь Божья. Изменение могло быть связано с подготовкой публикации именно в детском журнале.

В стихотворении «Русское поверье» Шевырев несколько фольклоризировал некую общенародную мудрость, придав ей в названии обобщающую силу:

Как в Божий мир родится человек,
Господь ему на долю припасает –
На весь его определенный век.
И лишняя росиночка спадает
Ему с небес, и лишняя растет
Былиночка в лесу и в чистом поле,
И всё, что мир в его имеет доле,
С ним дало рост, взошло, растет, цветет:
Младенца в мир призвать Господь изволил,
Его ничем в миру не обездолил.

Подкреплением этого «русского поверья» являются русские пословицы типа «дети — благодать Божья», «у кого детей много, тот не забыт от Бога» и т. п. В сущности, это народное воззрение, опирающееся на евангельскую проповедь.

Сходным образом Шевырев осуществил и замысел своего стихотворения «Сеятель». Уже само название отсылает читателя к евангельской притче, однако поэт придал ей колорит подлинной сценки на пашне, где русское добродушие скрашивает образы расхищающих зерна птиц:

Я, жизнью сельскою счастливый,
Люблю смотреть, как ранним днем
На приготовленные нивы
Выходит сеятель с зерном.
Благословясь, он сеет щедро —
И семена, как Божий клад,
Земли в распаханые недра
Горстями полными летят.

Размышления созерцателя прерывает голос путника, указующего сеятелю на вороватых птиц:

«Чего ж ты смотришь? вишь, пристали!
Воров-обидчиков гони
И, чтоб семян не воровали,
Их громким выстрелом пугни!»
—Зачем? У Бога хлеба вволю:
Они не обижают нас.
Он и на их смирену долю
В небесной житнице припас.
И птичий род ведь Бог же создал,
Кормиться надо и ему:
Господь Свой хлеб всем тварям роздал,
И я ль у птицы отниму?

Поэзия крестьянского труда в стихах Шевырева для детей не была замечена критиками, за исключением только одного его стихотворения, которое, благодаря скрывшему фамилию профессора астроному, доставило ему минуту подлинного триумфа. Это было стихотворение «Кибиточки», появившееся впервые в газете «Молва» и затем перепечатанное в журнале «для девиц». В нем мы вновь встречаемся с изображением крестьянского мира, проникнутого тонками особой нежности — приметой именно шевыревского стиля:

Вблизи поляны той, где жатвы зачинали,
В кустах, с младенцами кибиточки стояли,
Где нежных матерей забота собрала
Всех младших жителей из мирного села.
Вопль часто прерывал ретивую работу,
И мать меняла серп на лучшую заботу,
И грудь вложив в уста младенца своего.
Уньлой песенкой баюкала его. —
Не плачьте горько так, невинные младенцы,
Юнейшие земли родимой поселенцы,
Над вашей младостью не дремлет ночи тень,

Вам брезжит вольный свет, вам всходит новый день.
О вас моя печаль, за вас моя молитва:
Да будет не трудна вам новой жизни битва.

По воспоминаниям П. В. Шейна, «в 1857 г., в первых числах декабря, когда дворянство Московской губернии, по призыву царя-освободителя, съехало в Московское благородной собрание для обсуждения вопроса о мерах к освобождению крестьян от крепостной зависимости, С. П. Шевырев с живым, теплым сочувствием отозвался на благодатную мысль царя стихотворением, вылившимся прямо из глубины его любящей души, и поместил его в „Молве“, издававшейся К. С. Аксаковым, под заглавием „Кибиточки“, подписавшись тремя звездочками. Эти благодетельные три звездочки не только спасли С. П. от обычного в то время глумления петербургской журналистики, но даже заслужили ему непритворные похвальные отзывы от первых органов тогдашней журналистики» [Шейн 1886, 129]. Речь идет о следующих отзывах: «прекрасное стихотворение» [Совр. 1858, 208]; «прелестное стихотворение... к сожалению, никем не подписанное. С первого стиха до последнего оно проникнуто такою простотою и, вместе, такою глубокою поэзиею, что мы очень желали бы знать имя автора, который принадлежит к числу немногих поэтов, умеющих облекать истинно гуманную мысль в такие безыскусственные, грациозные формы» [СПб. вед. 1858, 38]. Возможно, были и другие отзывы, о которых 1 мая 1859 г. Ш. вспоминал в письме к своему сыну Б. С. Шевыреву: «...мои Кибиточки прокатились из Москвы со славою по всем петербургским журналам, самым для меня враждебным... Ненависть меня лично и имени моего, конечно, не за другое что как за начала, которые я исповедую, а хвалят мои произведения с восторгом, когда на них нет имени. <...> Меня вслух похвалить кому бы то ни было страшно, потому что нападут и заклюют» [Письма к сыну, л. 69 об.].

Стихотворения в народном духе были оставлены Шевыревым, хотя они демонстрировали значительный потенциал его возможностей в той поэтической области, которая вдохновлялась идеями сочувственного отражения жизни русского крестьянства. Возможно, он мечтал о небольшой книжке для крестьянских детей, о чем свидетельствует перечень, оставленный им среди черновых рукописей детских стихотворений 1857 г.: «Земляничка ягодка. Сиротинушка. Пахарь с сыном. [Пахарь] Сеятель и птицы. Рождение человека. [Далее как заголовок раздела:] Сельские очерки: Сергей Сергеич.

Помещик и пастух. Кибиточки на жниве» [Стихотворения ОР РНБ, л. 102]¹⁶. Среди поименованных сочинений не удалось идентифицировать тексты «Сергей Сергеич» и «Помещик и пастух».

Стихи для детей, как появившиеся в журналах Ишимовой, так и оставшиеся в рукописях, отвечали потребностям национального воспитания, представлявшимися Шевыреву актуальными на протяжении всей его жизни: «Сколько русских людей, праздно живущих в отечестве или вне отечества лишь потому, что воспитание не только не связало их, но разорвало их связь с отечеством!» [Шевырев 1852, 28] Чтобы предотвратить этот разрыв, Шевырев писал для девиц, обучающихся в благородных пансионах, стихи о жизни русского крестьянина, рассказывающие о его трудах и вере. Творческая работа подобной направленности, как считал автор, могла остановить «потерю нашей народности» (т. е. народных черт, ментальности), как в «частных лицах», так и в «целых поколениях», угрожавшую России [Шевырев 1842, 8]. Поэт хотел скрепить в воспитании «народный слой» (терминология Шевырева!) «крепкою любовью ко всему отечественному» [Там же, 47]. Когда Шевырев писал стихи с использованием фольклорной стилистики, он уповал на иные возможности воздействия на ребенка: «Окружайте колыбель его сладкозвучными песнями и преданиями родины, да вырастает ваше дитя на этих звуках и чувствах, как вырастает на них богатырская Россия!» [Там же, 49]. Эпоха, наступившая с воцарением Александра II, помогла раскрыться новым для Шевырева творческим приемам в его стихах для детей, которые стали оригинальной частью его поэтического наследия.

Примечания

- ¹ По рукописям С. П. Шевырева были опубликованы «Жаворонок», «Над рекою Волгой...» и «Свет разума сияет миру...» [Шевырев 1939, 193; Ратников 2008, 296; Вишневецкий 2020, 85]. Последнее стихотворение отнесено нами к числу детских стихотворений Шевырева предположительно, по сходству стилистики с другими его стихотворными текстами 1857–1858 гг. для детей.
- ² С. Б. Шевырева (1809–1871), урожд. Зеленская, была побочной дочерью кн. Б. В. Голицына, брата московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына.
- ³ Весьма показательна история выступления Шевырева, в 1820-х гг. активного и успешного переводчика Шиллера, на праздновании юбилея немецкого поэта. 26 октября 1859 г. он писал сыну Б. С. Шевыреву: «Общество любителей российской словесности празднует столетнюю

годовщину рождения Шиллера. На меня возложена речь. Я не мог отказаться от чести быть оратором в этот день, хотя всё это сделано на скорую руку. Но прежние занятия мои Шиллером, переводы и моя богатая в этом отношении библиотека... выручат меня в этот раз»; 29 октября 1859 г.: «...речь моя удалась. <...> Зала была полна» [Письма к сыну, л. 132–132 об., 136]. Опубликованная речь, весьма содержательная и интересная, вызвала лишь насмешливый отзыв «С.-Петербургских ведомостей», что Шевырев с горечью отметил в письме к М. Н. Лонгинову от 14 ноября 1859 г. [Письма к Лонгинову, л. 5].

- 4 См.: «Русское имя» [Стихотворения ОР РНБ, л. 116–117], «Я кавалер: на мне крестов обилье!..» [Вишневецкий 2020, 14–15], «Песня русской земле» [Поэты тютчевской плеяды 1982, 308; датируется 1857 г. предположительно]. К 1859 г. относится стихотворение «Покаяние», также связанное с обстоятельствами отставки Шевырева [Стихотворения ОР РНБ, л. 26].
- 5 Из неопубликованных стихотворений Шевырева 1840–1850-х гг., связанных с религиозной тематикой, см., например: «Не дай погибнуть мне во тьме...», «Прохожий, малый гроб почти своим приветом...», «Вне суеты, вдали от жизни шума...» [Стихотворения ОР РНБ, л. 73, 74, 84].
- 6 Современный подросток не поймет этого слова, решив, что оно является производным от слова «село». Шевырев же ставит его в публикации журнала «для девиц», поскольку уверен, что воспитанницы благородного пансиона должны знать церковнославянизм «сельный», означающий «полевой». Привычку к «величавым звукам церковнославянского языка» Шевырев почитал необходимым элементом «русского воспитания» [Шевырев 1842, 49].
- 7 Автограф без загл., дата: «Авг[уста] 4. 1857», помета над текстом: «Сент[ябрь] [№] 51» (по-видимому, относится к предполагаемой публикации в «Звездочке», но с ошибкой в номере тома). Копия рукой Е. С. Шевыревой (в замуж. Арсеньевой), дочери Шевырева, в ее детском альбоме: [Альбом дочери, л. 4–4 об.], по тексту «Звездочки», с фамилией автора в конце.
- 8 В вероучительных стихах Шевырева для детей узнается та же профессорская выучка, что и в его официозных стихах, связанных с важными государственными событиями или лицами императорской семьи. Официозные стихи Шевырева интересны со стороны комментария, поскольку тексты насыщены разного рода историческими реалиями и отсылками к «директивным документам» эпохи. И в детских вероучительных стихах Шевырева, и в его официозных стихах, что называется, нет «воды», то есть пустого балласта: они информативны и написаны на достаточно высоком уровне стихотворной культуры, при общем недостатке лирического воодушевления, которое вытесняется пафосом высокой оды.

- ⁹ Ручня́ — небольшой сноп льна, перевязанный стеблями.
- ¹⁰ Несколько снопов льна ставится на комель в стойку, шалашиками, для просушки.
- ¹¹ *Постель мишаная*, т. е. из мха, на мху.
- ¹² *Не крещенная*, т. е. постель, не переkreщенная на ночь матерью, как было принято в русском быту.
- ¹³ Заглавие в автографе: «[Песенка сиротки] Сиротинушка», дата: «Авг[уста] 24».
- ¹⁴ См: РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. № 9. Л. 1–2 об. — записи Шевыревым трех народных песен: «Друга милого ждала...», Песня о Хмеле («Как во городе было во Казани...», с оригинальной, не встречающейся в других вариантах песни, концовкой), «Ох-ти, горе великое...».
- ¹⁵ Автограф без заглавия; копия Е. С. Шевыревой (Арсеньевой): [Альбом дочери, л. 3–3 об.], по тексту «Звездочки», дата: «Сельцо Щекино. Июня 8-го 1857».
- ¹⁶ Здесь же на л. 102–103 тексты стихотворений для детей, не учтенных в этом перечне.

Литература

Источники

- Альбом дочери* — Шевырев С. П. Копии стихотворений в альбоме Е. С. Шевыревой (в замуж. Арсеневой) // РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 70.
- Слава творения* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Слава творения // Лучи, журнал для девиц. 1857. Т. 16. № 9. С. 189.
- Сеятель* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Сеятель // Лучи, журнал для девиц. 1857. Т. 16. № 10. С. 217–218.
- Русское поверье* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Русское поверье // Лучи, журнал для девиц. 1857. Т. 16. № 11. С. 289.
- Рождество Христово* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Рождество Христово // Звездочка. 1857. Т. 52. № 12. С. 141–142.
- Утренняя звездочка* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Утренняя звездочка // Лучи, журнал для девиц. 1858. Т. 17. № 1. С. 24–25.
- Кибиточки* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Кибиточки // Лучи, журнал для девиц. 1858. Т. 17. № 3. С. 145–146.
- Весна* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Весна // Лучи, журнал для девиц. 1858. Т. 17. № 4. С. 217–218.
- Земляничка* — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Земляничка // Звездочка. 1858. Т. 54. № 5. С. 145.

Лето — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Лето // Лучи, журнал для девиц. 1858. Т. 18. № 7. С. 17–18.

Осень — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Осень // Лучи, журнал для девиц. 1858. Т. 18. № 10. С. 217–218.

Зима — Иваньковский С. [Шевырев С. П.] Зима // Лучи, журнал для девиц. 1858. Т. 18. № 12. С. 361–362.

Письма Ишимовой — Ишимова А. О. Письма к С. П. Шевыреву // ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 271.

Письма к Лонгинову — Шевырев С. П. Письма к М. Н. Лонгинову // РО ИРЛИ. Ед. хр. 23307.

Письма к сыну — Шевырев С. П. Письма к Б. С. Шевыреву // ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 98.

Стихотворения ОР РНБ — Шевырев С. П. Стихотворения // ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 22.

Стихотворения РГАЛИ — Шевырев С. П. Стихотворения // РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 11.

Исследования

Барсуков 1901 — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15. СПб.: изд. Н. П. Барсукова, 1901.

Безносков 1992 — Безносков Э. Л. Ишимова Александра Иосифовна // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2: Г — К. М.: Фианит; Большая рос. энцикл., 1992. С. 427–429.

Белозерская 2016 — Белозерская К. А. Русская журналистика для детей второй трети XIX в. в историко-литературном контексте: автореф. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). М., 2016.

Вишневецкий 2020 — Вишневецкий И. Г. Италия и Россия 1829–1833, 1837 и 1843 гг. в стихах и стихотворных переводах Степана Шевырева // Archivio russo-italiano XI / a cura di G. Ciuliano, A. Shishkin. Salerno, 2020. = Итальянский архив XI / сост. Дж. Джулиано, А. Шишкин. Салерно, 2020. С. 7–101. (Русско-итальянский архив XI).

Гаврилов 2017 — Гаврилов И. Б. К характеристике философии воспитания С. П. Шевырева // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 307–326.

Достоевский 2013 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2013. Т. 1.

ЖМНП 1859 — Заседание комитета для всенародного распространения грамотности // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Ч. 103, № 8. С. 131–136.

Лит. наследство 1964 — Письмо Я. П. Полонского к Тургеневу от 29 января 1857 г. / коммент. Э. А. Полоцкой // Литературное наследство. Том 73: Из парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 2. М., 1964. С. 214–215.

Петров 2008 — Петров А. А. Святитель Филарет Московский и В. Д. Олсуфьев: взаимоотношения и переписка // Филаретовский альманах. 2008. № 4. С. 209–210.

Поэты тютчевской плеяды 1982 — Поэты тютчевской плеяды / сост. и вступ. ст. В. В. Кожина; примеч. Е. Кузнецовой. М.: Сов. Россия, 1982.

Ратников 2008 — Ратников К. В. Роль С. П. Шевырева в развитии русской науки, литературы и журналистики. Челябинск, 2008.

Сборник ПД 1922 — Шахматова С. А. Переписка Тургенева с Н. М. Лонгиновым // Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.: Пушкин. Дельвиг. Крылов. Жуковский. Тургенев. Писарев. Герцен. Чернышевский. Полонский. Стасов. Л. Толстой. Пг.: Гос. изд-во, 1922. С. 137–213.

Собрание 1790 — Львов Н. А. Собрание народных русских песен с их головами: Ч. 1 / На музыку положил Иван Прач. [СПб.]: Печатано в Типографии Горнаго училища, 1790.

Совр. 1858 — [Панаев И. И.] Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // Современник. 1858. № 2. С. 185–208.

СПб. вед. 1858 — [Рецензия] // С.-Петербургские ведомости. 1858. № 9, 12 янв.

Стыкалина 2002 — Стыкалина О. С. К истории создания журналов для детей А. О. Ишимовой «Звездочка» и «Лучи» // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2002. № 6. С. 51–61.

Толстой 1949 — Письмо к В. П. Боткину от 20–28 января 1857 г. // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. М., 1949. С. 153.

Труды Публ. б-ки 1934 — Письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 25 января 1857 г. // Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва). Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. М.: Academia, 1934. Вып. 3. С. 47–186.

Тургенев 1987 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3.: Письма. 2-е изд. М.: Наука, 1987.

Файнштейн 1989 — Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры: Ист.-лит. очерки. Л., 1989.

Шевырев 1852 — Шевырев С. П. Вступление в педагогию. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1852.

Шевырев 1842 — Шевырев С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному // Шевырев С. П. Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета.... 1842: Об отношении семейного воспитания к государственному: Речь, произнесенная... орд. проф. рус.

словесности д-ром философии и членом Педагогич. ин-та Степаном Шевыревым 18 июня. М.: В Университетской типографии, 1842. С. 1–68.

Шевырев 1939 — Шевырев С. П. Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. М. И. Аронсона. Л.: Сов. писатель, 1939. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Шейн 1886 — Шейн П. В. Степан Петрович Шевырев. Его стихотворение 1857 г. // Русская старина. 1886. № 1. С. 129–130.

Исследования

Barsukov 1901 — Barsukov, N. P. (1901). Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [Life and works of M. P. Pogodin] (vol. 15). St Petersburg: Publ. N. P. Barsukova.

Belozerskaya 2016 — Belozerskaya, K. A. (2016). Russkaya zhurnalistika dlya detey vtoroy treti XIX veka v istoriko-literaturnom kontekste [Russian journalism for children second third of the XIX century in the historical and literary context: author] (doctoral dissertation). Ros. gos. gumanitar. un-t (RGGU), Moscow.

Beznosov 1992 — Beznosov, E. L. (1992). Ishimova Aleksandra Iosifovna [Ishimova Alexandra Iosifovna]. In Russkie pisateli. 1800–1917 [Russian writers. 1800–1917] (t. 2: G — K) (pp. 427–429). Moscow: Fianit; Bol'shaya ros. entsikl.

Dostoevskiy 2013 — Dostoevskiy, F. M. (2013). Poln. sobr. soch. i pisem: V 35 t. [Complete. collection Op. and letters: In 35 volumes] (t. 1). St Petersburg.

Faynshteyn 1989 — Faynshteyn, M. Sh. (1989). Pisatel' nitsy pushkinskoy pory: Ist.-lit. ocherki [Sh. Writers of the Pushkin era: Essays]. Leningrad.

Gavrilov 2017 — Gavrilov, I. B. (2017). K kharakteristike filosofii vospitaniya S. P. Shevyreva [To the characteristics of the philosophy of education of S. P. Shevyreva]. Khristianskoe chtenie, 4, 307–326.

Lit. nasledstvo 1964 — Pis'mo Ya. P. Polonskogo k Turgenevu ot 29 yanvarya 1857 g. / komment. E. A. Polotskoy [Letter from Ya. P. Polonsky to Turgenev dated 29 January 1857]. In Literaturnoe nasledstvo. Tom 73: Iz parizhskogo arkhiva I. S. Turgeneva. Kn. 2. [Literary heritage. Vol. 73: From the Paris archive of I. S. Turgenev. B. 2.] (pp. 214–215). Moscow.

Petrov 2008 — Petrov, A. A. (2008). Svyatitel' Filaret Moskovskiy i V. D. Olsuf'ev: vzaimootnosheniya i perepiska [Prelate Philaret of Moscow and V. D. Olsufiev: Relationships and Correspondence]. Filaretovskiy al'manakh, 4, 209–210.

Poety tyutchevskoy pleyady 1982 — Kozhinova, V. V. (Ed.) (1982). Poety tyutchevskoy pleyady [Poets of the Tyutchev Pleiade] Moscow: Sov. Rossiya.

Ratnikov 2008 — Ratnikov, K. V. (2008). Rol' S. P. Shevyreva v razvitiy russkoy nauki, literatury i zhurnalistiki [The role of S. P. Shevyrev in the development of Russian science, literature and journalism]. Chelyabinsk.

SPb. ved. 1858 — [Retsenziya] [Review] (1858). S.-Peterburgskie vedomosti, 9, 12 Jan.

Sbornik PD 1922 — Shakhmatova, S. A. (1922). Peregiska Turgeneva s N. M. Longinovym [Turgenev's correspondence with N. M. Longinov]. In *Sbornik Pushkinskogo Doma na 1923 god: Pushkin. Del'vig. Krylov. Zhukovskiy. Turgenev. Pisarev. Gertsen. Chernyshevskiy. Polonskiy. Stasov. L. Tolstoy* [Collection of the Pushkin House for 1923: Pushkin. Delvig. Krylov. Zhukovsky. Turgenev. Pisarev. Herzen. Chernyshevsky. Polonsky. Stasov. L. Tolstoy] (pp. 137–213). Petrograd: Gos. izd-vo.

Shevyrev 1842 — Shevyrev, S. P. (1842). Ob otnoshenii semeynogo vospitaniya k gosudarstvennomu [On the attitude of family education to state] In S. P. Shevyrev, Rechi, proiznesennye v torzhestvennom sobranii Moskovskogo universiteta... ... 1842: Ob otnoshenii semeynogo vospitaniya k gosudarstvennomu: Rech', proiznesennaya... ord. prof. rus. slovesnosti d-rom filosofii i chlenom Pedagogich. in-ta Stepanom Shevyrevym 18 iyunya [Speeches delivered at the ceremonial meeting of Moscow University] (pp. 1–68). Moscow: V Universitetskoj tipografii.

Shevyrev 1852 — Shevyrev, S. P. (1852). Vstuplenie v pedagogiyu [Entry into pedagogy]. St Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk.

Shevyrev 1939 — Shevyrev, S. P. (1939). Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.

Sheyn 1886 — Sheyn, P. V. (1886). Stepan Petrovich Shevyrev. Ego stikhotvorenie 1857 g. [Stepan Petrovich Shevyrev. His poem]. Russkaya starina, 1, 129–130.

Sobranie 1790 — L'vov, N. A. (1790). Sobranie narodnykh russkikh pesen s ikh golosami: Ch. 1 [Collection of Russian folk songs with their voices: Part 1]. St Petersburg: Pechatano v Tipografii Gornago uchilishcha.

Sovr. 1858 — [Panaev, I. I.] (1858). Peterburgskaya zhizn'. Zametki Novogo poeta [Petersburg life. New Notes poet]. Sovremennik, 2, 185–208.

Stykalina 2002 — Stykalina, O. S. (2002). K istorii sozdaniya zhurnalov dlya detey A. O. Ishimovoy «Zvezdochka» i «Luchi» [To the history of the creation of magazines for children A. O. Ishimova «Zvezdochka» and «Rays»]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika, 6, 51–61.

Tolstoy 1949 — Pis'mo k V. P. Botkinu ot 20–28 yanvarya 1857 g. [Letter to V. P. Botkin, 20–28 January 1857] (1949). In L. N. Tolstoy, Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 60 [Complete collection](t. 60) (pp. 153). Moscow.

Trudy Publ. b-ki 1934 — Pis'mo P. V. Annenkova k Turgenevu ot 25 yanvarya 1857 g. [Letter from P. V. Annenkov to Turgenev dated 25 January 1857] (1934). In Gosudarstvennaya biblioteka SSSR im. V. I. Lenina (Moskva). Trudy Publichnoy biblioteki SSSR im. Lenina [State Library of the USSR. V. I. Lenin

(Moscow). Proceedings of the Public Library of the USSR. Lenin] (Vol. 3, pp. 47—186). Moscow: Academia.

Turgenev 1987 — Turgenev, I. S. (1987). Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 3.: Pis'ma. 2-e izd. [Complete. collection cit. : In 30 volumes. T. 3. : Letters] (2nd ed). Moscow: Nauka.

Vishnevetskiy 2020 — Vishnevetskiy, I. G. (2020). Italiya i Rossiya 1829–1833, 1837 i 1843 godov v stikhakh i stikhotvornykh perevodakh Stepana Shevyreva [Italy and Russia 1829–1833, 1837 and 1843 in verses and poetic translations by Stepan Shevyrev]. In Dzh. Dzhuliano, A. Shishkin (Eds.) *Archivio russo-italiano XI*. Salerno, 2020. (pp. 7–101). Salerno, 2020.

ZhMNP 1859 — Zasedanie komiteta dlya vsenarodnogo rasprostraneniya gramotnosti (1859) [Committee meeting for national distribution literacy]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 103 (8), 131–136.

Svetlana Berezkina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences

S. P. SHEVYREV'S POEMS FOR CHILDREN (1857–1858)

The article is concerned with the analysis of S. P. Shevyrev's poems for children that had been written in 1857–1858. These years were hard for the poet; the majority of magazines were rejecting his works. The reason for this was S. P. Shevyrev's run-in with gr. V. A. Bobrinsky (cousin of Alexander II), which turned into a fist-fight. In 1857–1858 his poems regularly appeared only in two magazines: “Zvezdochka” and “Luchi, a magazine for girls”, published by A. O. Ishimova for the schoolgirls of noble boarding schools. The article considers two themes in S. P. Shevyrev's poems for children. He was writing religious poems for the children who were thoroughly familiar with the Bible and that allowed him to keep complexity of his plots. His second theme was the working life of Russian peasantry, which he depicted with exceptional love. S. P. Shevyrev in his poems always merges deep piety of Russian peasants and their hard labors. The article offers the poet's unpublished poem about the fate of a poor orphan boy.

Keywords: Biography and creativity of S. P. Shevyrev, magazines of A. O. Ishimova, religious problems in poems for schoolgirls of noble boarding schools, poems for children about Russian peasants and their working life